УДК 343.988 Виктимология 3(13) / 2017, с. 57–63

Фещенко П. Н.

ВИКТИМОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

В статье рассмотрена виктимность, возникающая в связи с социальной напряженностью, понимаемой как длительное недовольство значительных масс населения своим положением. Рассмотрены виды виктимности и их причины применительно к наиболее опасной стадии социальной напряженности, связанной с недовольством населения деятельностью представителей власти различного уровня и переходом от конституционных акций протеста к совершению преступлений, включая массовые беспорядки и «цветные революции». Рассматриваются авторские подходы к пониманию содержания виктимологической профилактики в аспекте ее связи с социальной напряженностью. Предлагаются варианты совершенствования законодательства в сфере предупреждения преступности. Приводятся предложения по изменению ряда статей УК РФ в аспекте связи с социальной напряженностью.

Ключевые слова: *социальная напряженность, экстремизм, виды виктимности, виктимологическая профилактика, совершенствование законодательства.*

Рассматривая причинный комплекс преступности, сегодня криминологи обязательно анализируют и его виктимологическую составляющую, связанную с повышенной способностью определенной совокупности граждан становиться жертвами преступных посягательств.

Исследуя такую предрасположенность, криминологи используют термин «виктимность», в дальнейшем классифицируя ее на личностную, ролевую, ситуативную и другие виды.

Сегодня, как представляется, не вызывает затруднений отнести к виктимности такие качества личности, как доверчивость, легкомысленность, азартность и т.д., такие особенности, как нетрезвое или утомленное состояние, престарелый или детский возраст и т.п.

На этой основе строится основная масса мероприятий по виктимологической профилактике преступности, связанная с разъяснением опасности употребления алкоголя и наркотиков, реагирования детей на предложения незнакомых взрослых, различные уловки мошенников в сети Интернет и другие.

Определенные позитивные шаги сделаны, на наш взгляд, и в вопросе профилактики ситуативной виктимности, когда рассматриваются виктимогенные ситуации и даются рекомендации по целесообразному поведению: при предложении взятки [1], при совершении теракта [2, с.272-275], при угрозе жизни и здоровью и использовании права на необходимую оборону, при ситуациях, когда злоумышленники пытаются проникнуть в квартиру и т.д.

В общем виде сегодня данное направление профилактики официально закреплено в новом Федеральном законе «Об

основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», где в ч.2 ст.6 указывается, что достижение поставленных целей обеспечивается, в том числе, посредством «выявления лиц, пострадавших от правонарушений или подверженных риску стать таковыми» [3].

Как представляется, для эффективного решения поставленных в Законе задач необходимо дополнительное научное исследование и раскрытие всех аспектов виктимологической профилактики применительно к основным направлениям деятельности субъектов профилактики.

Это, на наш взгляд, требуется и, исходя из необходимости обеспечения решения еще одной задачи, предусмотренной данным Законом: проведения мониторинга эффективности профилактической деятельности.

Осуществляя мониторинг, придется анализировать не только традиционно понимаемые как причины объективные проблемы – безработицу, задержки зарплат, степень расслоения по доходам и т.д., но также и субъективные, связанные как с неудовлетворенностью граждан своим положением и возникающей жаждой обогащения незаконным путем, так и неудовлетворенность деятельностью представителей власти различного уровня, при затяжных проблемах и конфликтах понимаемой как «социальная напряженность» [4].

Следует отметить, что в новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом страны В.В.Путиным, к числу основных угроз внутренней безопасности добавилась «цветная революция» [5]. Под этим термином в последние годы ученые и политики понимают насильственную смену власти в какой-либо стране, где основной движущей силой являются недовольные деятельностью представителей власти народные массы [6].

Для понимания криминогенной роли социальной напряженности, как представляется, имеет значение и вывод А.В. Майорова о том, что «к числу внешних (объективных) факторов, отрицательно влияющих на состояние и структуру как преступности, так и виктимности, следует отнести сокращение производства и занятости населения, нарастание официальной и скрытой безработицы, снижение жизненного уровня и социальных гарантий гражданам, резко увеличивающееся расслоение населения по доходам и др.» [7, с.102], т.е. тех криминогенных явлений, которые и вызывают массовое недовольство населения деятельностью властей различного уровня (социальную напряженность).

Социальная напряженность как требующее противодействия негативное явление была включена в 2009 году в «Концепцию противодействия терроризму в Российской Федерации», «Стратегию общественной безопасности в Российской Федерации» в 2013 году, в новую «Военную доктрину Российской Федерации» в 2014 году.

В частности, в «Военной доктрине» указано:

«13. Основные внутренние военные опасности:

…

г) провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды» [8].

Согласно принятой «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации», к основным мерам по предупреждению (профилактике) терроризма относятся, в том числе, «политические: нормализация общественно-политической ситуации, разрешение социальных конфликтов, снижение уровня социально-политической напряженности, осуществление международного сотрудничества в области противодействия терроризму» [9].

В то же время, как справедливо указывает В.И.Третьяков, при всей очевидности появления такого негативного социального явления в нашей жизни, оно понимается как очевидное и не урегулировано методиками измерения и единообразного понимания [10, с.8].

В ежегодном докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Э.Памфиловой по итогам 2014 года один из разделов называется «Линии социальной напряженности», где указывается, что:

«Социальная напряженность - это эмоциональное состояние общества или отдельных групп людей, характеризующееся недоверием, страхом, настороженностью, агрессивностью и т. д. Она возникает в результате разрыва между потребностями людей (в широком смысле) и их удовлетворенностью и может вести к воз-

никновению конфликтов. Изучение социальной напряженности важно, прежде всего, в контексте вопроса о правах человека, так как несоблюдение данных прав является одним из главных факторов ее возникновения…» [11]. Далее в докладе указывается, что СН в России чаще возникает из-за противоречий социально-экономического характера, чем из-за религиозных или национальных различий, при этом «самой наглядной иллюстрацией неблагополучия, равнодушия и неэффективности государственно-бюрократической системы является недопустимо высокий уровень противоречия между чиновниками всех уровней и населением в целом - так полагают 34% жителей страны» [11].

В аналогичном Докладе по итогам 2015 года данная позиция детализируется: «Высокий уровень социального расслоения, а главное - обнищание значительной части населения, является одним из ключевых факторов роста преступности. В частности, около половины (45,6%) преступлений по России за 2015 год носит имущественный характер. Среди лиц, совершивших преступление, 65,9% не имели постоянного источника дохода. Все это приводит к **повышению градуса социальной нетерпимости**, адресованной условным «богатым», а также мигрантам, которые «демпингуют» в оплате труда при конкуренции за рабочие места» [12].

В докладе по итогам 2016 года указывается, что «в 2016 году в адрес Уполномоченного по правам человека в РФ поступило 42546 жалоб на нарушение конституционных прав граждан, на 49% больше, чем в 2015 году» [13]. В основном проблемы связаны с нарушением прав в социально-экономической сфере.

Таким образом, на наш взгляд, сегодня одной из важных проблем в сфере виктимологической профилактики преступности является недостаточная разработанность в теоретическом плане вопросов, касающихся связи социальной напряженности и ее криминальных последствий.

Проводя определенную аналогию, можно сказать, что сегодня криминогенным фактором признаны пьянство, алкоголизм и наркомания. Эти негативные явления оцениваются количественными и качественными характеристиками – уровнем, динамикой и структурой. Меры профилактики включены в различные программы федерального, регионального и муниципального уровня, внесены соответствующие статьи в УК РФ.

При этом следует констатировать, что профилактическое воздействие предусмотрено как в отношении самих виктимных граждан, например, уже находящихся в состоянии алкогольного опьянения, в частности, при управлении автомобилем, так и в отношении тех, кто способствует виктимизации, например, вовлекает в употребление алкоголя или наркотиков, незаконно их производит, сбывает и т.д.

На наш взгляд, исходя из принципа системности в профилактической деятельности, аналогичным образом должна строиться виктимологическая профилактика и в отношении такого негативного криминогенного явления, как социальная напряженность (СН).

Как представляется, виктимность, возникающая в связи с СН, достаточно очевидна: лица, недовольные длительным игнорированием представителями власти различного уровня волнующих граждан проблем, могут создавать партии, движения, выходить на законные митинги, организовывать пикеты. Часть таких граждан с низким правосознанием, ориентацией на насилие, связанных с преступными группировками или иностранными спецслужбами может организовывать в ходе законных акций протеста массовые беспорядки, совершать теракты, акты самосуда над представителями власти, посягать на жизнь сотрудников правоохранительных органов и т.д. и т.п.

Виктимностью в данных ситуациях обладают как граждане – участники массовых мероприятий, представители власти и правоохранительных органов, так и случайные пострадавшие от погромов, мародерства, изнасилований и т.д. и т.п.

В профилактическом плане, на наш взгляд, сегодня большое значение имеет разъяснительная работа среди молодежи, недостаточно представляющая правовые последствия своего участия в различных организуемых, в т.ч. через Интернет, массовых протестных акциях и могущая оказаться жертвой собственной доверчивости и правовой безграмотности.

Именно такие разъяснительные лекции-беседы в связи с актуальностью проблемы в марте 2017 года провели 4-курсники Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА) более чем в 15 школах г. Кирова и области, разъясняя учащимся содержание понятия экстремистских правонарушений, предусмотренную сегодня уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность и раздавая специально подготовленные «Памятки» [14].

В общем виде данный вопрос ранее уже освещался автором в недавней работе [15, с.36-42], и здесь представляется необходимым лишь продолжить начатое рассмотрение проблемы.

На наш взгляд, заслуживает отдельного освещения второй аспект проблемы – выделение лиц, ответственных за возникновение СН. Применительно к пониманию пьянства как криминогенного фактора сегодня проблем нет и всем понятна связь событий: если бы подростка не напоили взрослые и не рекламировали бы фильмы с употреблением алкоголя, в итоге подросток не приобрел бы виктимность и не стал жертвой преступления.

Как представляется, такое же понимание должно быть и относительно роли СН: если бы конкретные должностные лица в силу корыстного или иного умысла или собственной некомпетентности не ухудшали условия жизни масс населения, не расхищали бы и без того ограниченные бюджетные средства - не возникало бы недовольства и СН.

Кроме того, еще одно направление профилактики следует выделить – противодействие формированию насильственной ориентации личности и злоупотреблению алкоголем. Не было бы информационных потоков, ориентирующих на насилие и употребление алкоголя – не было бы массы злоупотребляющих спиртным граждан, в том числе, ориентированных на насильственное разрешение конфликтных ситуаций, и акции протеста проходили бы без нарушения закона и насилия.

Также в дополнение к мерам противодействия преступлениям экстремистской направленности, целесообразно противодействие деяниям, ориентирующим население на насильственное разрешение конфликтов, в том числе, исключение демонстрации телепередач, пропагандирующих полное отсутствие культуры ведения диалога и нетерпимость к чужой точке зрения, культ силы, самосуд и неуважение к сотрудникам правоохранительных органов.

И еще – поскольку в ходе массовых протестных акций могут совершаться преступления представителями организованных преступных структур и иностранных спецслужб, к мерам виктимологической профилактики следует добавить совершенствование оперативно-розыскной деятельности и обеспечение безопасности массовых мероприятий, включая меры по снижению виктимности самих сотрудников правоохранительных органов и должностных лиц.

Эти вроде бы не связанные на первый взгляд друг с другом факты и проблемы в итоге дают ту критическую массу, которая приводит к перерастанию мирных акций протеста в массовые беспорядки и «цветные революции». Уместным представляется привести точку зрения на данную проблему признанного теоретика «цветных революций» Стивена Манна, сравнивающего нерешаемые проблемы, волнующие население, с песчинками, которые при непринятии соответствующих мер превращаются в лавину: «…песчинки складывают одна к одной до тех пор, пока в результате критического состояния последняя не создаст лавину… Система работает в сторону главного изменения как результат небольших, в основном игнорируемых событий» [16].

Началом же виктимологической профилактики в рассматриваемом аспекте, на наш взгляд, должна быть регламентация понятия и процедур официальной оценки состояния и перспектив развития СН.

Применительно к региональному уровню вопрос может быть решен, как представляется, через внесение изменений в Указ Президента Российской Федерации от 21.08.2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [17]:

– в показателе №11 слова ««Оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» заменить на слова «Уровень

и динамика социальной напряженности».

После слова «напряженности» вставить «Примечание: Под социальной напряженностью понимается достаточно длительное недовольство значительных масс населения проводимой представителями власти на разных уровнях политикой, при этом представляет интерес криминализация СН как показатель потенциальной готовности части недовольных граждан пойти на нарушение закона для разрешения, по их мнению, проблемных ситуаций и (или) уже совершающих соответствующие преступления.

Уровень СН отражает количество акций протеста за отчетный период с их детализацией по числу участников, их социальному составу, причинам недовольства, числу и характеру совершенных противоправных деяний.

Динамика СН отражает рост или снижение показателей уровня, а также направление изменения СН по этапам: пассивное недовольство, выявляемое в ходе социологических опросов, массовые акции протеста без нарушения закона, массовые акции протеста без официального их разрешения, массовые акции протеста с применением насилия, массовые акции протеста с человеческими жертвами или захватом административных зданий».

Как один из возможных примеров уголовно-правовой меры воздействия на рост СН может быть предложено следующее дополнение в УК РФ [18, с.96-101]:

– включить в ст.285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями» в ч. 3 после слов «тяжкие последствия» слова «в том числе существенный рост социальной напряженности».

В Примечания после п.4 включить п.5 «Под существенным ростом социальной напряженности в данной статье, а также ст. 285.1, 285.2, 286, 293 понимается значительное увеличение числа граждан в регионе (социальной группе), недовольных принятым должностным лицом решением, с переходом от мирных акций протеста к насильственным действиям (массовым беспорядкам)».

В качестве примера подобного подхода из российской истории можно привести установленную Петром 1 уголовную ответственность для офицеров, которые своими решениями довели до бунта солдат.

И закончить хотелось бы словами Президента России В.В.Путина на «Валдайском форуме» 24 октября 2014 года: «Очевидная угроза – это дальнейшее разрастание конфликтов на этнической, религиозной, социальной почве. Такие конфликты опасны не только сами по себе, они формируют вокруг себя зоны безвластия, беззакония и хаоса, где уютно чувствуют себя и террористы, и просто рядовые преступники, процветает пиратство, торговля людьми, наркобизнес…. Я не жёстко отношусь к массовым выступлениям, я жёстко отношусь и негативно отношусь к нарушению закона. Массовые мероприятия, демонстрации – это вполне легитимный способ выражения своего мнения и борьбы за свои интересы, но всё нужно делать в рамках закона. Революция – плохо. Мы наелись этих революций в XX веке по горло. Эволюция – вот что нам нужно. Уверен, что мы сможем двигаться именно по такому пути», подчеркнул Президент [19].

Кроме того, на наш взгляд, это соответствует положению принятого в 2016 году ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» о необходимости «выявления и устранения причин и условий, способствующих антиобщественному поведению и совершению правонарушений, в том числе на почве социальной, расовой, национальной или религиозной розни» [20].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Что такое коррупция и как с ней бороться - URL:http://minjust.ru/sites/default/files/naselenie_korrupciya_ispr_171215_0.pdf
2. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.:Питер, 2002.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 28 июня.
4. Фещенко П.Н. Социальная напряженность как аспект национальной безопасности: монография. М.: Издательская группа «Юрист». 2006.

5. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Заглавие с экрана

6. Наумов А.О. «Цветные революции» как угроза государственному суверенитету. Опыт Кыргызстана. // Мировая политика. 2016. № 2.

7. Майоров А.В. Виктимологическая модель противодействия преступности: монография. – М. Юрлитинформ. 2014. – 224с.

8. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным // Российская газета. 201 Федеральный выпуск №6570 (298) 2014. 30 декабря.

9. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 5 окт. 2009 г. // Российская газета. 2009. 20 октября.

10. Третьяков В.И. Социальная напряженность – фактор, детерминирующий преступность // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. №1.

11. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год - URL:http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/2408/

12. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год - URL:https://rg.ru/2016/03/24/ombudsman-doklad-dok.html

13. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год - URL:http://ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/tatjana_moskalkova_predstavila_vladimiru_putinu_ezhegodnyj_doklad_upolnomochennogo

14. Студенты Волго-Вятского института провели в школах уроки об угрозах экстремизма - URL: http://msalkirov.ru/institute/news/studenty-volgo-vyatskogo-instituta-proveli-v-shkolakh-uroki-ob-ugrozakh-ekstremizma.html

15. Фещенко П.Н. Виктимологический аспект социальной напряженности // Виктимология. 2015. № 2(4).

16. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс]: пер. с англ. / С. Манн. — Режим доступа - URL:http://4as.info/pub/970.

17. Указ Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 года № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Заглавие с экрана

18. Фещенко П.Н. К вопросу о криминализации деяний, ведущих к существенному росту социальной напряженности // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2016.

19. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» - URL: http://news.kremlin.ru/transcripts/46860

20. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 28 июня. (п.5 ч.2 ст.6).

ФЕЩЕНКО Павел Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА), г. Киров.
E-mail: fpn2005@mail.ru

Feshchenko P. N.

VIKTIMOLOGY OF SOCIAL TENSION

In the article, victimity, arising in connection with social tension, understood as long-term dissatisfaction of significant masses of the population by their position, is considered. The types of victimization and their causes are considered in relation to the most dangerous stage of social tension associated with discontent of the population with the activity of representatives of various levels of government and the transition from constitutional protests to the commission of crimes, including mass riots and «color revolutions». Author's approaches to understanding the content of victimological prevention in the aspect of its connection with social tension are considered. Options for improving legislation in the field of crime prevention are suggested. Proposals are made to change a number of articles of the Criminal Code of the Russian Federation in the aspect of connection with social tension.

Keywords: *social tension, extremism, types of victimization, victimological prevention, improvement of legislation.*

FESHCHENKO Pavel Nikolaevich, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Volgo-Vyatka Institute (Branch) of the O. Kutafin University (MSUA), Kirov.
E-mail: fpn2005@mail.ru